

Автор - Лариса Гусева, Нижний Новгород (Россия).

Без открытого финала

Delete

В мироустройстве памяти в ту же реку
можно входить бесконечно, сжимаясь в узел,
чтоб изнывать бессонницей по человеку,
чье безграничие ты уже вроде как сузил.

Гордость надежды змеится ниткою ртути,
жадно купаясь в посеребрённой влаге
всей твоей лимфы. В защиту отравленной сути -
только верлибры на виртуальной бумаге.

Прочее все междустрочно, горько, поспешно,
под занавескою тьмы, мелким всполохом свечек...
В радужке лунного пса повисаешь ночлежно,
что-то внизу наболтав на автоответчик.

Чуть лишь забрезжится, выйди на побережье

времени X, откликаясь на зов флэшбэка,
вспомни, потом отпусти, и пусть память режет
улицу, ночь, и стирает фонарь с аптекой.

Ветер. Обрывки афиши танцуют румбу.
Лед на реке уже встал по рыбацьи души.
Ворон, а, может, ворона пернатым Колумбом
неторопливо тестирует новую сушу.

Миры

Пляжная Ницца. Ты лег и растекся забытой в кармане конфетой.
Вот так налакаешься жгучего солнца – и пьян по самое «вуаля».
Колебля блесну зрачка, свет преломлен близорукой Летой.
Прозрачность вне смыслов звенит чистотой,
как предметы из хрусталя.

Изнанкой невинного любопытства вживаешься в роль туриста,
зевая на площади пышных фасадов, пока не захочешь себя развлечь
поездкой куда-нибудь в Альпы с комфортом материалиста.
Соотечественник если и нужен, лишь как средство встряхнуть твою речь.

Вновь делаешь снимки, кадры статичны, но благородны виды.
Доводить иллюзию до апогея это отчасти благая цель -
поймать выразительность в лицах, пространстве,
одухотворить флюиды:
пальмы, Матисс, незнакомка в белом, скользнувшая вниз бретель.

А я в своих зимах в кулак сжимаюсь, по нервам - больные токи.
Из звездных бездн - к шрамам бренности,
к волнообразным вибрата.
Здесь время есть часть пространства, съедающее в итоге
мои океаны открытий небрежным щелчком заката.

Здесь не растечься, а вмерзнуть в стены, на них оставляя кожу,
иссохшим фантомом кружить над мамой,
уже не способной кого-то узнать.
По кругу рутинной внемкости безвыходно хоровожу...
Забытые письма читают друг друга, просто устав меня звать.

* * *

В душистое яблоко сна
прокрадывается пробуждение,
надкусывает изнутри,
по толике истончает.

Ожогом встречает нас
весеннее новорождение
и в люльке заплаканных губ
больное «прощай» качает.

Дрожит лазурит небес
в надрёманной дымке глаза,
но явь на зубах хрустит
раздавленной скорлупой.
Неглавным героям фильма
на середине рассказа
предписано затеряться,
смешаться вовне с толпой.

Давай же, что не сбылось,
запеленаем в стихи.
Когда наше Мы началось,
мы были из разных стихий.
Чтоб мысль не плутала моя,
лишенная света и глянца,
ты выбил меня из «НЕ-Я»
движением плавного танца...

не смея оторопеть
от слепоглухих смирений,
учил мои руки петь
в беспамятстве первых мгновений.

Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

Степанов Г. И. Очерки истории философии. М.: Мысль, 1989.

СПА